

Этой фразы хватило, чтобы у Бай Юя лицо позеленело, а сон пропал на три ночи подряд.

Альфы от природы подавляют омег: чем выше уровень феромонов у альфы, тем сильнее давление и тем ощутимее угроза. В мире природы это сродни голодному волку и белому кролику.

Бай Юю снова и снова снилась та ночь. Он вздрагивал, просыпаясь среди ночи с холодным потом на лбу. Ему хотелось немедленно уйти из этого дома, покинуть Центральную звезду — но пока он не мог.

Фу Юй искал этого несуществующего омегу — и одновременно пристально следил за самим Бай Юем.

К счастью, ложь не была брошена в панике. Бай Юй подготовился заранее. Видя, как Фу Юй клюнул на приманку, он исподволь задействовал свои жалкие, почти незаметные связи — настолько ничтожные, что они не вызывали подозрений, — и молча прокладывал себе путь к отступлению.

Через несколько дней безрезультатных поисков Фу Юй, как и ожидалось, снова явился — с мрачным выражением лица.

Бай Юй уже всё понял. Хотя разница в силе между ними была колоссальной, именно в этом вопросе инициатива пока находилась у него. Если аккуратно увести следы в сторону, вырваться было всё ещё возможно.

На допрос Фу Юя он ответил спокойно и ровно:

— Имя, которое он мне назвал, было вымышленным. Больше я ничего не знаю.

Фу Юй прищурился и несколько секунд внимательно разглядывал его.

Раньше Бай Юй каждый раз заметно терялся при их встречах. А сегодня — такая невозмутимость?

Бай Юй был готов к продолжению расспросов; все ответы уже были выстроены в голове.

Но Фу Юй, помолчав, вдруг сменил тему:

— Сегодня вечером будет приём. Со стороны твоей матери приедут люди.

Улыбка Бай Юя дрогнула.

— Ты ведь давно с ними не виделся, верно? — Фу Юй улыбался, наклонившись так, чтобы смотреть Бай Юю прямо в глаза. — Сходи, повидайся.

Слова звучали как предложение, но интонация не оставляла выбора.

Бай Юй приоткрыл рот, будто хотел возразить, но в итоге отказался от сопротивления. Увидев, как с его лица исчезла прежняя сдержанная уверенность, Фу Юй ощутил прилив хорошего настроения. Он больше не стал возвращаться к разговору о несуществующем омеге и, развернувшись, ушёл.

Совсем не похожий на ослепительную восходящую звезду военного ведомства с экранов федерального телевидения — скорее на злобного ребёнка, наслаждающегося собственной

шалостью.

Бай Юй закрыл дверь, некоторое время сидел неподвижно, затем достал недоделанное ювелирное украшение и бережно провёл по нему пальцами.

Семья его матери занималась ювелирным бизнесом. Когда дела пошли под откос и банкротство стало неизбежным, они просто преподнесли младшую дочь в подарок отцу Бай Юя — чтобы отсрочить крах семьи.

Для ветреного и любвеобильного альфы она была всего лишь диковинной новинкой. В период увлечения он с лёгкостью разбрасывался сладкими речами и клятвами, а когда пресытился — без колебаний нашёл новую игрушку.

Мать когда-то мечтала стать дизайнером. Эту мечту задушили на корню. Но ещё трагичнее было то, что, оказавшись здесь, под влиянием феромонов она действительно влюбилась в этого холодного и бессердечного альфу — и всю жизнь прожила в подавленной тоске. Потеряв его расположение, она утратила и поддержку родной семьи: бывшее радушие сменилось разочарованием. В детстве Бай Юй не раз видел своих дядей-альф — они неизменно отпускали в адрес матери колкие насмешки, презирая её за «бесполезность».

Откровенно говоря, у Бай Юя было предвзятое отношение к альфам. Он не любил ни одного из них.

А уж семью своей матери — тем более.

После грандиозных потрясений двухлетней давности он остался единственным выжившим. Похоже, там решили, что у него с Фу Юем хорошие отношения: столько лет после смерти матери они не выходили на связь, а теперь вдруг начали один за другим присылать сообщения.

Бай Юй не хотел видеть этих людей. Совсем.

Вынырнув из раздумий, он бережно убрал украшение для волос обратно.

Этот эскиз мать сделала ещё в университете — в нём жила её первая любовь к делу, её изначательная мечта. А тот синий сапфир, обронённый в комнате Фу Юя, был её реликвией, оставшейся Бай Юю. Иначе он не стал бы так переживать, не бросился бы в ловушку сам, подставляясь и выдавая себя.

Приближалась годовщина её смерти. Он хотел успеть доделать украшение к этому дню — принести его на кладбище, показать ей.

Оставался месяц.

«Как только пройдёт день поминовения, — молча решил Бай Юй, — я навсегда уеду отсюда».

Вечером, собираясь на приём, он впервые за долгое время надел официальный костюм и

вместе с Фу Юем отправился в отель.

Салон машины был просторным, но находиться рядом с альфой всё равно казалось тесно. Бай Юй чувствовал себя скованно и незаметно подвинулся в сторону.

Фу Юй не отрывался от того, на что смотрел, даже века не приподнял — и тоже сдвинулся ближе.

Бай Юй: «...»

Он нахмурился, испытывая смутное беспокойство, и снова осторожно отодвинулся.

Как и ожидалось, Фу Юй снова последовал за ним.

Бай Юй сжал губы, повернул голову и нажал кнопку стеклоподъёмника, уставившись в окно — лишь бы не смотреть на Фу Юя.

Сегодня Фу Юй вёл себя совсем не так, как он рассчитывал. Бай Юй не понимал, как естественно вернуть разговор к тому несуществующему омеге и снова увести его по ложному следу.

Фу Юй опёрся локтем, подперев подбородок, и, наклонив голову, взглянул на Бай Юя.

Раньше растерянность Бай Юя каждый раз его забавляла. А сегодня тот не паниковал — и это почему-то вызывало раздражение, которое трудно было объяснить. Именно поэтому, прекрасно зная, как Бай Юй не любит родственников со стороны матери, он всё равно нарочно потащил его сюда.

Бай Юй не был таким высоким и массивным, как большинство альф. У него была более изящная кость, фигура не худощавая, но стройная и вытянутая. В строгом костюме он смотрелся неожиданно хорошо.

Машина нырнула в тоннель. Свет и тени на мгновение смазались. Фу Юй уже собирался отвести взгляд, как вдруг его веко дёрнулось.

Не зная, было ли это обманом чувств, но в тот краткий миг — перед тем как тьма поглотила очертания Бай Юя, — размытая линия его силуэта внезапно отозвалась в груди Фу Юя тревожным, почти болезненным толчком... необъяснимым ощущением знакомого.

Фу Юй всегда жил по наитию. Если что-то казалось знакомым — он предпочитал сразу проверить. Не раздумывая, он протянул руку, намереваясь притянуть человека к себе и рассмотреть получше.

Рука, возникшая из полумрака, напугала Бай Юя до дрожи. Он дёрнулся так резко, что едва не подпрыгнул, с силой отбил её и холодно бросил:

— Ты что делаешь?

Машина выехала из тоннеля.

Свет хлынул сквозь окна. Черты Бай Юя словно были высечены изо льда — бледные, отстранённые, холодные. Он разительно отличался от своего обычного, почти незаметного облика.

Фу Юй редко терялся, но сейчас на мгновение замер. Он убрал руку и спустя пару секунд усмехнулся:

— Мне кажется, ты мне знаком.

Кончики пальцев Бай Юя непроизвольно сжались.

Нарочно или нет, Фу Юй всегда бросал такие фразы — словно видел его насквозь, а может, просто дразнил, играя словами, не вкладывая в них ничего определённого.

Пережив уже несколько подобных встрясок, Бай Юй быстро взял себя в руки и ровным, безвкусным тоном ответил:

— Если ты меня не узнаёшь, значит, тебе пора к врачу.

То мимолётное чувство знакомости — и одновременно отчуждённости — исчезло без следа. Бай Юй снова стал тем самым неприметным Бай Юем, каким был всегда. Фу Юй задумчиво отвёл взгляд.

Как-никак, они росли вместе с детства. Пусть после подросткового возраста и отдалились, но он ведь не слепой — разумеется, лицо Бай Юя ему знакомо.

Но то мгновение...

Фу Юй бывал на поле боя. Он бесчисленное количество раз уходил от смерти, полагаясь лишь на инстинкты. И он не привык считать подобные ощущения простой иллюзией.

Каждый думал о своём. Вскоре машина остановилась у отеля. Зал, утопающий в золоте и свете, уже шумел.

Сегодня собралась публика со всех слоёв — и центром внимания, разумеется, был Фу Юй. Едва они вошли, его тут же окружили.

Бай Юй терпеть не мог такие мероприятия. Незаметно отступив назад, он собирался найти укромный уголок и переждать там до конца приёма.

Но даже в этой суеде Фу Юй умудрился бросить на него взгляд. Поняв, что тот хочет улизнуть, он усмехнулся, подошёл и по-хозяйски, почти интимно обнял Бай Юя за плечи, наклонив голову:

— Кстати, позвольте представить. Это мой пятый брат.

Старый сенатор Бай прожил жизнь ветреником. О количестве его внебрачных детей можно было говорить десятками, но тех, кто имел имя, фамилию, признание и право жить в родовом особняке, было всего семеро.

Кроме Бай Юя — всех остальных он уже хладнокровно устранил.

На Центральной звезде силы переплетались сложно, и человеческие отношения всё ещё имели значение. Да, в семьях нередко резали друг друга без сожалений, но такие, как Фу Юй — с чёрным сердцем, жесткой рукой и полным пренебрежением к кровным узам, — встречались редко. В конце концов, он ведь был чужаком. Если бы тогда старик не внёс его в этот дом, не прижал к себе и не дал фамилию — разве поднялся бы он так высоко?

Эти мысли шептались лишь про себя. Озвучить их вслух никто не осмеливался.

Присутствие Бай Юя всегда было почти незаметным. Стоило Фу Юю представить его — и взгляды в зале разом устремились к нему, полные удивления.

...Раз сумел уцелеть — значит, не так уж он прост.

Бай Юй слегка нахмурился и безразлично отвернулся.

Он чувствовал, как чей-то взгляд вонзается в него, словно гвоздь. Он знал, чей именно. Но сильнее всего его сейчас тяготила рука Фу Юя, лежащая у него на плече.

Рука альфы была длинной, ухоженной, пальцы — уверенно сомкнуты. С виду — почти дружелюбный жест, но хватка была железной: вырваться было невозможно.

И это тут же напомнило Бай Юю сцену, где Фу Юй прижал его к кровати, одной рукой удерживая за талию, медленно и жестоко ломая сопротивление.

Фу Юй с явным удовольствием наблюдал за его скованностью. Свет люстр переливался в зале, ложась на холодно-белый профиль человека в его объятиях. Тонкие губы, отстранённое, почти усталое выражение лица. Он несколько секунд смотрел на боковую линию лица Бай Юя, а затем наклонился и прошептал ему на ухо:

— Брат... ты совсем не похож на альфу.

Ресницы Бай Юя дрогнули. Он резко поднял руку и с хлопком сбил ладонь Фу Юя со своего плеча.

— Альфа я или нет — ты сам прекрасно знаешь, — холодно сказал он. — Перестань заниматься глупыми проверками.

С этими словами он прошёл сквозь толпу, направляясь туда, где людей было меньше.

Фу Юй лишь пожал плечами.

Говорили, что альфы вспыльчивы и мстительны, что стоит их задеть — и тебя ждёт падение без дна. А тут — прилюдно оттолкнуть его руку, не оставив ни капли лица.

Взгляды присутствующих цеплялись за спину Бай Юя. Каждый делал свои расчёты.

Он дошёл до угла зала, всем своим видом давая понять: не подходить.

Но, разумеется, всегда находится кто-то, кто не умеет читать знаки.

Бай Юй приподнял веки и посмотрел на человека, подошедшего к нему.

Как и ожидалось.

Это был его дядя — тот самый, что когда-то, тыча пальцем, орал на его мать, называя её бесполезной.

Дядя держал в руках два бокала. Неторопливо сделал глоток из одного, второй протянул Бай Юю:

— А ты, гляжу, и правда близко сошёлся с этим мелким ублюдком. Почему на мои сообщения не отвечал?

Бай Юй даже не взглянул на бокал — скрестив руки, он холодно посмотрел на дядю.

Эти люди ради собственной выгоды продали его мать, а когда она перестала быть полезной — выбросили, как ненужную тряпку.

Омеги для таких альф всегда были лишь товаром. Предметом сделки.

Когда он прошёл дифференциацию, мать впала в отчаяние. Она из последних сил разыскивала препараты для маскировки — лишь бы он не повторил её судьбу, не прожил ту же сломанную жизнь.

Дядю это, похоже, ничуть не смущало. Он бросил взгляд туда, где Фу Юй купался во внимании гостей:

— В семье в последнее время неприятности. Нас взяло на прицел Бюро расследований Межзвёздной Федерации. Акции рухнули — видел?

Бай Юй по-прежнему молчал.

— Но это ведь пустяк, — дядя улыбнулся уголком рта. — Твоему дорогому братишке достаточно щёлкнуть пальцами, и всё уладится. Ну что, выпьем?

Бай Юй наконец заговорил — с явной насмешкой:

— С чего ты взял, что я стану тебе помогать? И с чего ты решил, что он захочет?

— Вы же так близки. Конечно, захочет.

Бай Юй без выражения смотрел на него.

— Я всё видел, — вдруг дядя улыбнулся странно, наклоняясь ближе и понижая голос. — Скажи-

ка, племянник... что, по-твоему, происходит, когда врождённый хищник-альфа оказывается рядом с омегой?

Стена за спиной показалась неожиданно холодной.

У висков Бай Юя выступил холодный пот. Он в упор смотрел на это отвратительное лицо:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты ведь не думаешь, что препарат, который ты принимал, твоя мать смогла достать сама? — дядя сунул бокал ему в руку и отчеканил каждое слово. — Тогда она рыдала и умоляла меня помочь тебе найти лекарство. Омега-племянничек.

<http://bllate.org/book/14965/1329311>